

карским университетом в 2005—2007 гг. (в первую очередь это касается текстов А. Н. Рочевой), являются полноценным дополнением к корпусу ранее записанных вариантов былин, что позволяет вовлекать их в научный оборот.

Литература

Бильчук и др. 1995 — Бильчук А. А., Власов А. Н., Захаров А. Н., Мехреньгина З. Н. Памятники русского песенного эпоса в фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 28. Эпические традиции. СПб., 1995. С. 258—289.

Былины Печоры 2001 — Былины Печоры: в 2 т. / изд. подгот. В. И. Ереминой, В. И. Жекулиной, В. В. Коргузаловым, А. Ф. Некрыловой. Коммент. Ю. А. Новикова; отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 1—2).

Былины Печоры и Зимнего берега 1961 — Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи / изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961. («Памятники русского фольклора»).

Былины Севера 1938 — Былины Севера / зап., вступит. ст. и коммент. А. М. Астаховой. В 2 т. Т. 1. Мезень и Печора. Л., 1938.

Власов 2001 — Власов А. Н. Образ «пьяницы» в народной литературе Севера (К истории одного эпического сюжета в свете теории игры) // Мужской сборник. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. Вып. 1. С. 152—162.

Еремина и др. 2001 — Еремина В. И., Жекулина В. И., Некрылова А. Ф. История записей и публикации былин Печоры // Былины Печоры: в 2 т. СПб.; М., 2001. (Свод русского фольклора: Былины в 25 т. Т. 1—2). Т. 1. С. 106—117.

Колпакова 1957 — Колпакова Н. П. Новые записи былин на Печоре // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 251—271.

Архивные источники

ФА СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета.

Summary. *This research features Ust-Tsilma bylinas recorded from the words of two singers during Syktuykar State University expeditions in 2005—2007. We made a comparison these variants with earlier recorded bylinas and with texts by their relatives and «teachers».*

Key words: *Ust-Tsilma, epic tradition, bylina, variant, plot, motive, singer, «teacher-learner».*

Э. Г. РАХИМОВА
(Москва)

ЗЛАТОГРУДАЯ КУНИЦА ИЛИ БЕЛКА В ЗИМНЕЙ ШУБКЕ: ЭПИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ В РУНАХ КАЛЕВАЛЬСКОЙ МЕТРИКИ

Аннотация. *В статье на материале текстов из различных сюжетно-тематических подгрупп эпоса «Калевала» рассматриваются мотивы и формулы, содержащие упоминание о пушных зверях (белках, куницах, зайцах, лисицах). Подробный анализ позволяет автору выйти на решение теоретических проблем формульного стиля (пределы варьирования/устойчивости устно-эпической формулы) и эпической памяти.*

Ключевые слова: *эпос, формула, руны калевальской метрики.*

Термин *руны калевальской метрики* (kalevalamittaiset runot), сложившийся в финской фольклористике в XX в., обозначает старинные карело-финские изустные песни независимо от их жанровой принадлежности.

Предпринимаемый в первое десятилетие XXI в. анализ поэтики песенных по форме своего бытования рун не может не опираться на достижения устно-формульного подхода М. Пэрри — А. Б. Лорда, с учетом того, как концепция американских эпосоведов была углублена и расширена, — а отчасти и оспорена или уточнена за счет типологического подхода и внимания к жанровому содержанию, — при введении в научный оборот в финской [Harvilahti 1985; 1992; 2004; Харвилаhti 1998] и российской фольклористике [Гацак 1971; 1989; 1994; Путилов 1966; 1997; Селиванов 1990], не говоря уже о гениальных преддвериях формульного и перформансного подходов в трудах второй трети XX в. [Астахова 1938; Чичеров 1948; Nautala 1945; 1947]. Как показывает исследуемый материал, именно словесные обозначения пушных зверьков в строках с синтаксическим параллелизмом можно оценивать как чистые формулы — «группа слов, регулярно употребляемых в тех же метрических условиях для выражения той или иной существенной идеи» [Лорд 1994, 42]. Уточняя знаме-

нитое определение Милмэна Пэрри, мы бы сказали, некоей содержательной субстанции, поскольку существенность трудно оценить для эпического сюжета заранее и не с чем сравнивать, а образы сравнения-сопоставления и тем более фантастические волшебные помощники достаточно конкретны в фиктивном мире и визуализовались и исполнителями, и слушателями, так что они вовсе не абстрактны, в отличие от «идей».

Обратимся к рассмотрению текста вариантов героико-мифологических рун, относящихся к удалцу Лемминкяйнену и его мудрой матери. В конце XX в. эта сюжетно-тематическая подгруппа рун именовалась финским термином «островной эпос» (*saarelaisepiikka*). В сводной фабуле эпопеи «Калевала», составленной Э. Лённротом, судьба Лемминкяйнена выходит на первый план дважды: сначала повествуется о его гибели в Похьоле (царстве Севера, неприятеле калевальцев) и воскрешении его матерью, позднее — о его повторной поездке в Похьолу, где он убивает противника в единоборстве на мече, скрывается по совету матери от кровной мести на Острове Дев, по возвращении откуда, отправившись в поход в Похьолу с другом Тьерой, едва не замерзает насмерть. Как и в первой редакции, в итоговой Лённрот возвращается к судьбе Лемминкяйнена уже после выдачи замуж девы Похьолы: упрямый удалец отправляется незванным гостем именно на данный свадебный пир, куда его хозяйка Похьолы Лоухи намеренно не приглашает (песнь 20-я). В песнях 26—28 Лемминкяйнен отправляется на пир вопреки материнским запретам и предостережениям, убивает в единоборстве хозяина и спрашивает у матери совета, где ему укрыться от мести, в песни 29-й проводит время в любовных утехх на острове Дев, по возвращении обнаруживает мать прячущейся в лесу из-за разорительного набега похьольцев, за что в песни 30-й отправляется мстить с соратником Тьерой, так что их варяжская ладья вмержает в лёд и им удается спастись лишь с помощью волшебства [Калевала 1999, 308—370]¹.

¹ При цитировании эпопеи будут далее указываться не страницы, а строки соответствующей песни.

В устном песенном бытовании в региональных традициях Карелии (территориально почти совпадающих с границами губерний и Великого княжества Финляндского): Беломорской, Олонецкой и Приладожья и финской исторической губернии Северная Карелия — данные сюжеты (их можно считать двумя альтернативными версиями поездки незваного гостя) были весьма популярны, о чем свидетельствует огромное число вариантов, опубликованных в фондовом своде устных записей калевальской метрики «Древние руны финского народа» (*Suomen kansan vanhat runot*), а также многочисленность оставшихся не опубликованными рукописных единиц хранения и фонозаписей в фольклорном и фонограммархиве Финского литературного общества (*Suomalaisen Kirjallisuuden seuran Kansanrunousarkisto, Äänitearkisto*). Среди беломорско-карельских героико-мифологических рун «Пяйвельский пир» (к Похьоле поездку привязал составитель эпопеи) преобладал по частотности. В посвященном Беломорской Карелии — *Vienan Karjala* — территориальном разделе среди рун героико-мифологических и представленных в эпопее (этим критерием руководствовался составитель карельских разделов Аукusti Роберт Ниemi), руна, озаглавленная им как «Стих о Лемминкяйнене» (*Lemminkäisen virsi*), а многими собирателями называемая «Пяйвельский пир» (*Päivölän pidot*), представлена 157 вариантами с 700-го по 856-й, не считая повторных записей, опубликованных под литерами «a», «b» в [SKVR I.2.], и 7 вариантами 2166—2172 начала XX в. в «Добавлениях» [SKVR I.4.2]. Эти варианты, исполненные на северо-западных диалектах собственно карельского наречия карельского языка, зафиксированы не всегда полноценно в диалектологическом плане. Основной массив записей из Олонецкой губернии (исполненных на ливвиковском наречии и среднекарельских диалектах собственно-карельского наречия) опубликован числом 48 номеров с 179-го по 226-й в [SKVR II]. Относящиеся к приграничной традиции (финской Северной Карелии и Приладожья) записи опубликованы в [SKVR VII.1.] числом 82

с 760-го по 841-й номера. Сюжет руны о Лемминкяйнене, подразделяющийся на эпизоды (последовательные семантические макропозиции), и слабее других героико-мифологических сюжетов вовлечен в циклизацию при воссоздании исполнителями. Это делает особенно интересными повторяемость и представленность вербальных формул, образующих вариативный набор для словесного воплощения при воспроизведении рунопевцами из усвоенного по памяти традиционного сюжета, когда скрепленные синтаксическим параллелизмом строки как бы нанизывались на мелодию при пении. Среди сюжетных решений преобладала история победы незваного гостя в поединке на мечях и его последующих приключений, сюжет гибели более редок, иногда гибель настигает протагониста уже после победы в поединке. Мудрая мать беспечного удалыца даже в случае, если ей не приходится пытаться воскресить его, играет значительнейшую роль в сюжете, и диалогам с ней посвящена значительная доля текста любого варианта, а несколько опубликованных записей вообще обрываются после ее запретов и предостережений.

В Беломорской Карелии руна обычно открывалась традиционным зачином, связанным с пивоварением для пийвёльского пира. Хозяйка Пийвёлы, чаще именуемая Осмогар, пользуется услугами волшебных помощников — пушных зверьков, которых она и создает колдовством. Приведем сцену во всей полноте, чтобы продемонстрировать рамочные повторы ряда строк и полустийший, в которых происходит замена двух обозначений пушных зверьков в позиции конца строки, а также анафорический повтор ключевого глагола *hiegie* (тереть). Примечателен и синтаксический параллелизм:

- Sebä Päivöil'än emändä*
Liikku sillai liitoksissa,
Keikku keski-lattiella;
Hiero kahta kämmendäh(g)i,они,
 20 *Hükerdi molombieñza,*
Hiero ruskien reboizen:
«Reboizeñi linduizeni,
Juokses voara, juokse toiñi,
Jouvu meäil'l'ä kolmannella,

25 *Kussa karhut tappelovi,*
Orihit tazoim panovi;
Juoksou kuono konuañ suusta,
Kino ilgien kijasta,
Voahтивankañ sieramista.

30 *Tuo sie vähäine tuoda*
Oluella happameksi».
Ei ottat olut hapata,
Eigä nossa nuoreñ juoma.
N'iin tuo Päivöil'än emändä

35 *Liikku sillai liitoksissa,*
Keikku keski-lattiella;
Hiero kahta kämmendähi,
Hükerdi molombieñza,
Hiero ruskien oravañ:

40 *«Oravaizeñ linduizeni,*
Juokse voara, juokse toiñe,
Jouvu meäil'l'ä kolmannella,
Käü sie käbüiñe meäldä.
Šüö käbüiñe käüveššäzi,

45 *Toiñe tuo tullessazi».*
N'iin otti olut hapata
Otti nossa nuorec juoma

(Эта ведь Пийвёлы хозяйка / Двигалась на сочленении помоста, / Качалась в середине пола: / Потерла две своих ладони, / Поскребла обе друг о друга, Натерла рыжую лисицу: / «Лисичка, моя пташечка, / Беги горку, беги вторую, / Окажись на горке третьей, / Там, где подрались медведи, / Жеребцы меряются силой, / Бежит пена у гадины изо рта, / Слизь из пасти злобной (твари), / Пена из ноздрей мозучих. / Неси ты чуть-чуть оттуда, / На закваску (мне) для пива». / Не бралось пиво бродить, / Не поднялся напиток юных. / Так та Пийвёлы хозяйка / Двигалась на сочленении помоста, / Качалась в середине пола: / Потерла две своих ладони, / Потирала (руки) обе, / Натерла рыжую белку: / «Белочка моя пташечка, / Беги горку, беги вторую, / Окажись на горке третьей, / Сходи за шишкою с холма ты, / Шишку съешь пока ты ходишь, / Вторую принеси прибывши». / Так взялось бродить (то) пиво, / Взялся подняться напиток юных) [SKVR I(2) 703].

Ингредиенты, требующиеся для успешного приготовления пива, взаимозаменяемы. Чаще пригождается пена из пасти дерущихся лошадей и медведей, а принесенная белочкой шишка оказывается негодной закваской. Что касается

белки, подбирание и поедание еловых шишек присуще данному пушному зверьку в жизненной, наблюдаемой охотниками, да и девушками-ягодницами, реальности леса.

В варианте [SKVR I(2) 701], записанном Э. Лённротом в апреле 1835 г., пушных зверьков трое: рыжая лисица, рыжая белочка и златогрудая куница, которая приносит необходимую пену.

Три зверька фигурируют и в варианте [SKVR I(2), 722], записанном Акселем Бернером в августе 1872 г. В варианте [SKVR I(2), 725], записанном А. Бернером тогда же от Петри Хуотаринена по прозвищу Narkkoie, действуют ласка и железная белка, а антропоморфным персонажем сцены выступает Осмутар (это женское, судя по суффиксу, имя), в субстантивном определении названная кузнецом пива. Эти же зверьки фигурируют в варианте [SKVR I(2), 726], записанном А. Р. Ниеми в 1904 г. в Аконлакше: *15 Sai hän kärpän kämmenestäh, / Otti rautasen oravan* (Добыл он ласку из ладоней, / Взял железную белку).

В [SKVR I(2), 729], записанном от знахаря Соавы Трохкимайнена из Аконлакши Лённротом в 1832 г., использован иной, чем «натерла», двусложный глагол — *käski* («велела, приказала»). Зафиксированный будущим составителем эпоса вариант явно содержит ошибки, допущенные собирателем при записи от руки с голоса. Ведь создана была златогрудая куница, а обращается хозяйка к белочке.

В варианте [SKVR I(2), 738], записанном в августе 1877 г. Лаури Ханникайненом, в формульной строке призывания/создания (будущим потребителем пива) пушного зверька меняется синтаксическая модель: белая белка оказывается в позиции подлежащего. Размер строки сбивается с правильной восьмисложности:

*Lemminkäin lieto p[oika]
Itse noin s[anoikse] virkkoi.*

*15 Tempoi puikon lattiestä,
Hyserti käsiehe keseššä,
Siitä syntyi valkie orava.
«Oravaiseni, lintuiseni...»*

(Лемминкяйнен беспечный парень / Сам такое словами молвил: / Поднял па-

лочку он с пола, / Поскреб ей промеж ладоней, / Из этого родилась белая белка. / «Белочка моя, птишечка...»).

Нелогичность участия незваного гостя Лемминкяйнена в процессе пивоварения вызвала карандашную правку педантичного Борениуса, пометившего, как сообщается при издании SKVR, поверх его имени: «Осмотар?». Это означает одно из обычных имен пивоварки, выбранное, по-моему, за трехсложность, ведь словосочетание «хозяйка Пяйвёлы» (*Päivülän emäntä*) никак в свободную в строке позицию поместиться не могло бы.

В первой редакции эпоса Лённрота пивоварению посвящена 13-я песнь. Изустная беломорско-карельская версия немного наивно рационализирована составителем при передаче мифологической фантастики. Девица, дочь Похьолы, находит на полу щепку и ищет, к чему бы ее приспособить, отдаст мудрой деве Капо, та трет обеими ладонями щепку о бедра, и «родилась белая белка» (*Synty valkia orava*). Белым окрас белок не бывает даже зимой, осенью их шкурки становятся серыми, так что цветовой эпитет фантастичен. Белочка приносит шишку — непригодный ингридиент для закваски. На полу обнаруживается стружка. За счет аналогичных колдовских манипуляций из нее «родилась куница-златогрудка» (*Synty näätä kultarinta*). Она приносит столь же непригодную для закваски пену из пасти дерущихся медведей, после чего на полу обнаруживается листочек, из которого удаётся создать пчелку (обычно выступающую в качестве инсектоморфного волшебного помощника в сцене воскрешения Лемминкяйнена матерью). Пчела приносит мёд и нектар, достойные для сквашивания хмельного угощения на свадьбе Девы Похьолы. В окончательной редакции «Калевалы» та же тройка волшебных помощников — белая белка, куница-златогрудка и пчёлка — фигурируют в 20-й песни.

Следующий эпизод руны, в котором регулярно встречаются пушные зверьки, — состязание незваного гостя в колдовстве с хозяйкой Пяйвёлы. В первой редакции эпоса в 17-й песни

состязание в колдовстве начинается с напускания хозяином Похьолы пруда на полу для утопления незваного гостя, который «напеваёт» огромного быка, должного вылакать с пола воду досуха, чтобы спасти его. Хозяин насыпает на быка волка, Лемминкяйнен призывает в качестве отвлекающей приманки зайца, хозяин — охотничью собаку для его поимки, Лемминкяйнен — белку для отвлечения собаки.

В итоговой редакции эпоса в 27-й песни построенная по принципу кумуляции сцена состязания в колдовстве обогащается почерпнутыми из устных рун образами зооморфных помощников, часть глаголов сочинена составителем, а тропы взяты из рун иной жанровой принадлежности, как например, метафорическая замена для зайца *kierosilmä* (косоглазый): *Lemminkäinen, lieto poika, / 230 Lauloi valkean jäniksen / Lattialle hyp-pimähän / Sen sutosen suun e'essä* (Ловкий парень Лемминкяйнен / Беляка напел словами, / Выпустил косоного на пол, / Перед волчьей пастью прыгать)². Для русского читателя эта характеристика зайца, выраженная субстантивным эпитетом, ожидаема, в карельских рунах таким образом чаще характеризуют завистника, насылающего порчу, а не зооморфное существо. Появление пары «курица — коршун» (*Pohjolainen, pitkä poika, / 250 kanan suustansa sukesi / sillalla sipoamahan / tuon reposen suun e'essä. / Lemminkäinen, lieto poika, / haukan suustansa sukesi, / kieleltä käpeäkynnen: / sepä kiskalti kanasen* (Похьи сын, мужчина рослый, / Тотчас курицу накликал, / Чтобы по полу ходила / Перед рыжею лисицей. / Лемминкяйнен, парень бойкий, / Ястреба напел словами, / Птицу с быстрыми когтями, / Чтобы курицу схватила)) выглядит чрезвычайно неожиданно, хотя обе птицы известны калевальским рунам, но семантически тесно связаны со свадебными величаниями.

В устных рунах состязание в колдовстве следует или после угощения змеиным пивом, или сразу после оживленной и правдоподобно звучащей у многих рунопевцев перебранки, как-то

² Отрывок из окончательной редакции эпоса дается в поэтическом переводе Э. С. Киуру и А. И. Мишина.

у Гостыи(!) Ондрейнена из Сууриярви [SKVR I(2), 706]. Состязание в колдовстве сводится к противостоянию всего пары пушных зверьков: угрожающей (ритуальной) чистоте протагониста белки и спасающей его от угрозы куницы, затем следует вызывание огромного быка, изображаемого также при помощи упоминания белки, но уже фигуративно-сравнительного.

Столь же точно отражает повадки тех же самых природных антагонистов колдовское состязание в записанном в сентябре 1877 г. А. А. Борениусом [SKVR I (2) 711]. Цветовой эпитет, обозначающий масть белки, указывает на зимний сезон: она — серая: *Laulo se harmuan oravan, / Oravaisen ortuvolla* (Напела она серую белку / Белочку на матицу...).

В записанном Лённротом в апреле 1835 г. в Юшкозере варианте [SKVR I(2), 707] героем в качестве избавителя для себя создан другой некрупный хищник, из всё той же, знакомой по сцене пивоварения, троицы — рыжая лисица: *Lieto L[emminkäinen] / 75 Lauilo rusk[ian] reposen, / Se söi jänön onneksehen* (Беспечный Лемминкяйнен / Напел рыжую лисицу, / Она съела зайца себе на счастье).

Более полная, состоящая из двух пар «грызун — хищник», цепочка пушных зверьков представлена в сцене состязания в колдовстве в [SKVR I(2) 716], записанном А. Борениусом в августе 1872 г. варианте «Пяйвёльского пира» от молодой певицы Насто, жительницы Кимасозера: *Seb' oli Ahti suarilaiñe / Lauilo valgieñ jänöizen* (То был Ахти-островитянин, / Напел белого зайчонка) — *Lemmingäiñe on liedo poiga / Lauilo ruskien reboizen / Söi on valgieñ jänöizen* (Леммингяйнен был веселый парень, Напел рыжую лисицу, Съела она белого зайчонка); *175 Tuob' oli Ahti suarilaiñe / Lauilo ruskien oravan* (То был Ахти-островитянин / Напел рыжую белку) — *180 Lemmingäiñe oc liedo poiga / Lauilo niän kulda-riinnan, / Söiba ruskien oravañ* (Леммингяйнен был веселый парень, / Напел куницу златогрудую, / Съела она рыжую белку).

В сцене пивоварения в начальной части варианта Насто также фигурируют

зооморфные помощники из числа пушных зверьков, причем один из них — ласка, оказывающаяся синонимичной белке, хотя мелкие куны шишками не питаются. Полнота обеих потенциальных семантических пропозиций повествования присуща отнюдь не всем вариантам «Пяйвельского пира»: *Emänd' oñ huvä-tabaiñe* <...> / 15 *Hiero kärpän kämmeñistäh*, / *Oravan suustaha sugazi* (Была хозяйка благойравна <...> / Натерла ласку из ладоней, / Белочку из уст достала). Благойравная хозяйка посылает то ли белку, то ли ласку за шишкой, которая оказывается достаточной закваской для пива при трехдневной применении, после чего того же пушного зверька отправляют еще и с поручением созвать гостей на пир на весь мир.

В тексте, записанном от Фёкли в окрестностях Кимасозера А. Генетцев в августе 1872 г. [SKVR I(2), 712], обязанности по решающему моменту пивоварения возложены на белочку, призванную из тайги принести шишки с правом сгрызть одну из двух: *Tuo sie kähü tulllessasi*, / 15 *Toine süö sie tuuessasi...* (Принеси ты шишку по приходе, / Вторую съешь ты по дороге!)

Иной пушной зверек, зайчик, участвует со стороны хозяйки в состязании в колдовстве, следующем после смертельного заклятия в адрес хозяйки Пяйвёлы от незваного гостя, выпившего пиво со змеями на краю кружки: *Tuob' on Päivöl'än emändä* / *Tuost' on suuttu, tuost' on seändü*, / *Tuosta viikoksi vihastu*, / 135 *Noiduba jäniksen lattiella* / *Lemmingäisen peän varoilla* (То была Пяйвёлы хозяйка, / На это разъярилась, на это разгневалась, / На это навек рассердилась, / Наколдовала зайца на пол, / На погибель Леммингяйнену).

Белочка, как и в варианте Гостию Ондреинена, вновь упоминается в следующем туре состязания в колдовстве: скорость ее стремительных движений позволяет наглядно оценить огромные размеры быка, наколдованного Леммингяйненом для выпивания с пола лесного пруда-ламбушки: *Kuun juoksi kesäorava* / *Härän händäluida müöten*, / 150 *Eigä peähä peästünütki* (Месяц белжала летняя белка / Быку вдоль крест-

цовой кости, / А до цели не добра-лась).

В обрывающемся на сцене состязания в колдовстве кимасозерском варианте [SKVR I(2) 713], записанном в 1845 г. Д. Е. Д. Европеусом, цепочка пушных зверей развернута до двух пар: зайца с лисой и белки с куницей, при вербализации строк соблюдена стереотипная метрическая схема.

Ведущая в Западной Европе исследовательница шаманизма, фольклорист Анна-Леена Сийкала уверена, что колдовское противостояние в песне о Леммингяйнене много ближе стоит к классической шаманистской традиции, чем целая калевальская поэма «Состязание в колдовском пении» (“*Kilpalaulanta*”), благодаря наличию в первой цепочке звериных образов (заяц → рыжая лисица, белка → куница с грудкою златою), а именно зооморфных помощников, которые ведут бой, подменяя собой антагонистов [Siikala 1992, 82].

Созданная колдовством златогрудая куница фигурирует в цикле Сампо в качестве приманки для кузнеца Илмаринена, хитроумно придуманной Вайнямёйненом, чтобы обеспечить прибытие в Похьолу обещанного Лоухи мастера, способного выковать «пёструю крышку». В записи Э. Лённрота [SKVR I (1) 72 & I(2) 778] из Вокнаволока 1837 г. благодаря колдовству вековечного ведуна: *Sihen kasvo k[faunis] kuusi* / *Yleni vihanta virpi* / 30 *Kasvo kuusi kultalatva* / *Roti näätä kultarinta* / *Kuusehen kultalatvah* (Туда выросла красивая ель, / Поднялся побег зеленый, / Выросла ель с золотой верхушкой, / Появилась куница-златогрудка / На ель с вершиной золотую).

Основоположник российского финно-угроведения Андреас Йохан Шёгрен в первое свое путешествие по северо-западу России встретил Онтрея Малинена из Войницы (Vuonnnen), от которого с редкой для своего времени диалектологической точностью записал в 1825 г. вариант цикла Сампо, который счел космогоническим преданием о сотворении мира из яйца. В этом варианте [SKVR I(1), 79] хитроумный Вайнямёйнен заманивает кузнеца Илмаринена в Похьолу, откуда только что выбрался сам с помощником хозяйки

Севера. Пением заклинаний Вяйно создает земляку куницу на ели. Восхваления красоты дочери Севера вызывают у кузнеца худшие и правомерные подозрения в предательстве. Чтобы развести их, земляк пытается отвлечь его на созерцание куницы на вершине ели, органично описанной с помощью ступенчатого сужения образа. Когда Илмаринен наконец забирается на ель, Вяйнямйнен и вправду заклинанием усаживает его в парусник ветра, который доставляет желанного кователя прямо к хозяйке Похьолы. Поскольку сцена строится благодаря повторам осуществлений советов и призывов, двусложное слово *näätä* (правильнее с дифтонгом: *neätä*) ‘куница’, занимающее срединную позицию, повторяется в ней многократно.

В составе руны о поездке незванным на пир пушные зверьки фигурируют не только в качестве волшебных помощников, сказочных или восходящих к обрядовым представлениям вокруг шаманского камлания.

Пушные зверьки, однако, фигурируют в этой же героико-мифологической руне о поездке на пяйвёльский пир и в качестве образа сравнения-сопоставления [Селиванов 1990, 6], т. е. того изобразительного референта, с которым сопоставлено описываемое сравнением с союзом, чаще всего движение какого-то существа или предмета. Отшлифованное многовековым устным бытованием сравнение танца протагониста на острие меча с неуловимо быстрым скачком белки по-зимнему светлой масти представлено в нескольких вариантах в сцене первой беседы героя с матерью. Почти во всех вариантах протагонист до отъезда незванным на пир просит мудрую мать принести ему военные доспехи и выслушивает от нее запреты и развернутые предостережения. В руне о поездке незванным на пир, как мы помним, представлены две встречи героя с матерью (второй раз мать, посочувствовав сыну, опечаленному из-за совершенного в гостях убийства в поединке на мечах, дает советы, где следует укрыться от расправы. За счет сопоставления с севернорусской былинной традицией можно продемонстрировать,

что оба этих эпизода представляют собой типовую сцену для эпического сказания, проявляющую во всей полноте мудрость матери неразумного в своей отваге богатыря.

Для руны о поездке незванным на пир в калевальской традиции стереотипна просьба героя принести ему его военные доспехи. Обычно в обращенной к женщине просьбе героя вид оружия не уточняется. Однако в нескольких вариантах: [SKVR I (2) 743, 744, b)] из Хиетаярви в окрестностях Аконлакши у представителей рунопевческой династии Хуовиненов, вариантов рунопевцев из Войнишы [SKVR I (2), 802, 803, 809] и [SKVR I (2), 850], записанном в Кольоле, — прямо упоминается просьба относительно меча.

Приведем пример сравнительной фигуры, живописующей магический танец протагониста на острие меча перед отъездом незванным на пяйвёльский пир, по длинной (307 строк) записи [SKVR I.(2), 802]. А. А. Борениус, как всегда, с максимальной текстологической точностью, записал руну 10 октября 1871 г. от представителя рунопевческого рода Маллиненов Юрки Онтреинена:

Suorittautu, voatittšautu,

Otti miekkañsa omañsa,

Perim peltoho sūsäsi,

155 Kärin keänti taivoisehe,

Itse keännäksi käressä,

Kuin on kuiva hoavañ lehti

Tahi talvini orava

(Собирался-наряжался, / Взял меч свой собственный, / Концом в поле воткнул, / Острием повернул к небу, / Сам на острие повернулся / Как (был) сухой листок осины / Или зимняя белка).

Данное уподобление отнесено при помощи союза к показанному в динамике действию. Оно состоит из двух синтаксически параллельных между собой строк: двух обстоятельств образа действия, относящихся к последнему действию, выраженному глаголом в предыдущей строке. Первая из строк бесперебойная, а завершающая — переребойная. С учетом количества слогов метрическая схема двустипиши сочетает бесперебойную строку с цезурой посередине с последующей переребойной.

Союзное сравнение танца протагониста на острие меча распространено в локальной традиции Войницы (Vuonpiinen). Оно передавалось из поколения в поколение активно опрашиваемого собирателями рунопевческого рода Маллинен. В Беломорской Карелии оно характерно для героико-мифологических рун и относится к протагонисту, которому предстоит одержать победу в поединке на мечах в вариантах.

Старейший и обширнейший (длинной в 415 строк) вариант [SKVR I(2), 774] мог быть частично сведен собирателем Закрисом Топелиусом-старшим [Topelius 1821-31, 3—18]. В основу положена запись 1821 г. от рунопевца из Чены прихода Вокнаволок (Vuokinniemen Tšena) Юрки Кеттунена. Вариант содержит и сцену пивоварения с участием волшебных помощников — пушных зверьков. Осмотар подобрала с пола щепочку, потеряв которую обеими руками по бедрам, «натерла белую белку» (*hiero valkian oravan*). После неудачи первого зооморфного помощника, из найденной щепочки создается куница: *Hiero nää-än kulta-rinnan* (Натерла куницу-златогрудку). Белочке велено принести шишку, кунице — пены дерущихся возле медвежьей берлоги кобылиц и жеребцов, что и обеспечивает надлежащее брожение пива. Состязания в колдовстве запись Топелиуса от Юрки Кеттунена не содержит, танец на острие меча описан стереотипно.

Записанный в августе 1872 г. А. Генетцем вариант [SKVR I (2), 805] Ехримы Карьялайнена также содержит сцену пивоварения с участием пушных зверей: *Löi heän kahta kämmenänse / Reisehensä kumpahaki, / Synty neätä kultarinta. / 10 «Oi sie neätä poikuoni, / Mäne tuonne, jonne käsken...»* (Ударил две своих ладони / В каждое из обоих бёдер, / Родилась куница-златогрудка: / «Ой ты куница, мой сыночек, / Ступай туда, куда велью я»).

Танец протагониста органично включен в сцену его прощания с мудрой матерью, с большим мастерством воссозданным Ехримой со всей полнотой традиционности. К матери Каукомиэли обращается с просьбой натопить потайную баньку и принести доспехи,

оторвавшись от пахоты змеино поля. После обсуждения третьей гибели протагонист уточняет обращенную к матери просьбу о доспехах, упоминая меч, который и втыкает позади поля, танцуя на его острие:

105 «*..Sano surma kolmas surma,
Mi on surma miehen surma,
Mi on kuoloma urohon?»*
«*Suurien kujien suilla
Suvet on kaikki suitsivöissä,*
110 *Rakit rautakahlehisssa.*
«*Oi emoni vanhempani,
Tuo sie miekkani omani,
Käteheni oikiehen!»*
Perin heän peltohon sysäsi,
115 *Itse keäntihin käressä,
Niinkuin kuiva hoavan lehti,
Eli talvinen orava.*

(Скажи гибель, третью гибель, / Что за гибель для мужчины, / Что за смерть для удалого? / «В устье огромных проулков / Взнузданы все будут волки, / Сторожевые псы в железных оковах». / «Ой, матушка моя родительница, / Неси ты мне мой меч собственный, / В мою в правую да руку!» / Рукояткой воткнул в поле, / Сам повернулся на острие, / Словно как сухой листок осины / Или зимняя белка).

Сходным образом строится вариант [SKVR I (2) 809], записанный в августе 1872 г. А. А. Борениусом на починке Корпьярви от Хуотари Марккена из Войницы. Он содержит сжатую сцену пивоварения, в качестве зооморфного волшебного помощника хозяйки Пяйвёлы выступает рыжая лисица, отвечающая также за приглашение на пир на весь мир званых гостей. Танец протагониста на острие меча также завершает беседу с мудрой матерью:

«*Hoi emoini, kantajaini,
Tuo sie miekkani omani!»*
Toip'om miekkaha omaha.
135 *Perim peltohoi šütäsi.
Itse keännäkše käressä
Niin kuin kuiva hoavan lehti
Tahi talvine orava.*

(«Хой, матушка, моя вынашивательница, / Принеси ты меч мой собственный!» / Принесла ж его меч собственный. / Рукоятку в поле он втыкает, / Сам на острие повернулся, / Словно как сухой листок осины / Или зимняя белка).

В традиции Ингерманландии и Карельского перешейка это же уподобление легкому и стремительного движения прыжку белки живописует легкомысленный порыв девицы в балладе «Совращение сестры» (Sisaren turmelus). Приведем пример по записи собирателя А. Коскиваара 1912 г. от певицы Оути Йерла из Метсяпиртти-Васкела [SKVR 13. (1) No 1122]. Отвезя налоги в город, протагонист заманивает в свои санки одну из идущих в церковь девиц, которая в финале окажется его сестрой. Варианты с Карельского перешейка, что характерно для репертуара женских хоровых коллективов, строятся за счет неоднократных повторов ситуаций: герой не сразу добывается желаемого.

*Poika tuhma Tuurittuisen <...>
kumahutti kultiansa,
helsytti hopeoitansa:
30 Neito korjohon kavahti
niin kuin kultanen omena
tahi ruskia reponen,
niin kuin kuiva haavan lehti.*

(Парень подлый Тууриттуиненов <...> / Погремел своим золотом, / Позвонел своим серебром: / Девица вскочила в санки, / Словно яблочко золотое, / Или рыжая лисица, / Словно как сухой листок осины).

В западной Ингрии в качестве зооморфного ОСС³ тоже фигурирует рыжая лисица. Приведем пример по записи 1883 г. опытного собирателя ингерманландских рун Вольмари Поркка, выполненной, скорей всего, в стенографической технике при фиксации исполнения с голоса. В насыщенном фигуративными уподоблениями варианте певицы Оуте из Венаконца прихода Сойкино (Soikkolan Venakontsa) [SKVR XV, 1062] зооморфное ОСС лисы сочетается с растительными:

*40 Niihi neitoin ihastui:
neitot hyppäsi rekoihin
niiku ruskia reponen,
kute kuiva kuusen oksa
ja hallita haavanlehti.*

(Ими девица восхитилась. / Девица прыгнула в санки, / Словно рыжая лисица, / Как сухая ветка ели / Или блеклый лист осинки).

В западно-ижорских вариантах сравнительном перечне ОСС пушного зверька может редуцироваться, так что остается лишь растительная символика, как в [SKVR III (3), 3711], записанном собирателем Й. Лянкеля в 1858 г. от неизвестной из прихода Нарвуси:

*Neito hyppäsi rekoohon
Kuiten kuiva haavan lehti
Ja kuiva katajan helve*

(Девица прыгнула в сани, / Словно сухой лист осины / И сухая чешуйка можжевельника).

В Средней Ингрии стереотипно не зооморфное и не растительное ОСС, а запас продуктов питания, как-то в записанном Х. А. Рейнхольмом в 1847 г. от неизвестной из прихода Венъйоки варианте [SKVR IV (1), 627]

*20 Raha muutti neijon mielen,
Verka nuoren morsiamen,
Neito retsahti rekehen
Niinkuin Suomen suola säkki,
Kaupungin kala-ripukka*

(Деньги сменили деве разум, / Сукно — ум молодой невесты, / Дева плюхается в санки, / Словно финский мешок соли, / Городская связка сушеной рыбы).

Однако ОСС пушного зверька — белочки, обреченной на добычу охотнику, — фигурирует в лирической элегии, записанной Д. Е. Д. Европеусом в приходе Венъйоки в 1847 г. [SKVR IV (1), 17]. Это после замужества ярко живописует свою обездоленность:

*Mänin toisehen talohon,
Olen kuin oksalla orava
15 Tahi maassa mauriainen.*

(Как я в дом другой попала, / Пребываю как на ветке белка / Или муравей в земле).

В рунах северной и восточной Ингрии зооморфные ОСС совпадают не только с беломорско-карельским зооморфным референтом фигуративного иносказания, зимней белкой, но и со знакомой в своей сказочной фантастичности лисой. В записанном А. А. Борениусом в марте 1889 г. в с. Васкела прихода Лембалово (Lempaalan Vaskela) варианте [SKVR V (1) 842] примерно

50-летней Оуте, хозяйки (жены Александра Ситорова), уроженки Рауту. Белка здесь — золотая.

30 *Neito korjoo (sitt on) kavahti*

Niin kuin kuiva hoavan lehti

Tah[k on] kultanen orava.

(Дева в сани тогда вскочила, / Слово как сухой лист осины, / Или как золотая белка).

В записи собирательницы Фанни Паула 1894 г., сделанной от Оуте Меликовой 66 лет, уроженки Вуоле, жительницы Микиттала прихода Лембало, девица уподоблена лисе:

Neito korjohon kavahti

15 *Niinkuin kuiva hoavan lehti*

Tahi ruskea reponen.

(Дева в кошечку заскочила, / Слово как сухой лист осины / Или рыжая лисица).

Уподобление сноровистых движений протагониста стремительному и легкому движению пушных зверьков представляется весьма органичным для калевальской поэтики. Оно отмечено безусловным этническим своеобразием, будучи укоренено в повседневный опыт носителей рунопевческой традиции. Ведь для представителей прибалтийско-финских народов охота служила одним из промыслов. Магического или по-сказочному фантастического измерения в нем не просматривается, коль скоро сравнение запечатлевает именно уподобление по сходству в динамике.

Морфологические и синтаксические шаблоны, по которым строятся художественные уподобления, служат опорными узелками стабильности текстовой ткани, облегчая исполнителям усвоение, а при исполнении — воспоминание/воссоздание по традиционному канону мельчайших подробностей отшлифованного за века текста. Помимо просодических принципов и аллитерации сетка выбора для продуцирования формульных строк ограничивается также принципами морфосинтаксической сочетаемости. Стержневые принципы калевальской поэтики (синтаксический параллелизм, скрепляющий строки и полустихия, многообразные по композиционной нагрузке и представ-

ленные различными типами повторы) ограничивают поле выбора при продуцировании текста руны, но в традиционных границах выбор оказывается опциональным [Harvilahti 1992, 59]. Устойчивость воплощения вербальной этно-поэтической константы отнюдь не сводится к буквальной стандартизации печатной цитаты — и текстуально константы характеризуются «подвижностью очертаний» [Гацак 1999, 110]. Константе присуща устойчивость зрительного образа. Его усвоение носителями традиции обеспечивает воспроизведение в тексте следующего исполнения традиционной вербальной константы, знакомой и ожидаемой слушателями песни в традиционных коллективах. В памяти исполнителя откладывается как бы мысленный, воображаемый кинокадр, то, что один из приверженцев устно-формульного подхода в эпосоведении Мишель Нэйглер назвал «до-вербальным гештальтом» [Nagler 1974; Oral 1976, 34]. В этно-поэтических константах карельских рун опорные слова и их вариативные распространители, образующие ОСС и его определители (качественный или предикативный), скреплены аллитерацией, что подкрепляет устойчивость при варьировании. Всё это позволяет оценить художественные уподобления в их отшлифованном многовековым устным бытованием словесном воплощении как этно-поэтические константы в понимании В. М. Гацака, как «ячейки поэтической мысли» во времени.

Обозначения пушных зверьков (как и более крупных хищников: медведя, волка и рыси) занимали важное место в языковой картине мира носителей прибалтийско-финских языков, коль скоро лексикографические описания послевоенного времени зафиксировали эти слова у карел без замены на русские заимствования. Единственное исключение — слово «куница» в ливвиковских дилектах, которое было утрачено и заменено русским заимствованием *kunišši*, тем более что в южной Карелии куницы после войны почти не водились.

Пушные зверьки служили промысловыми животными, весьма важными

для товарообмена начиная с раннего Средневековья. Большое значение охотничьих промыслов в жизни карел подтверждается записью в кадастровых документах Московского государства времен Бориса Годунова об используемых карельскими крестьянами «землях, и водах, и ловищах» [Панозеро 2003, 27]. Так что, фигурирующие в рунах калевальской метрики художественные уподобления пушным зверькам неслучайно запечатлели во всей зрительной точности не только бытовой опыт охотников, но и всех жителей деревни, со страхом наблюдавших маленьких хищников около своих курятников.

Литература

- Астахова 1938 — *Астахова А. М.* Былинное творчество северных крестьян // Былины Севера. Т. 1. Мезень и Печора. Записи, вступит. статья и комментарии А. М. Астаховой. С. 7—105.
- Высек пламя Илмаринен 2000 — Высек пламя Илмаринен: Антология финского фольклора / сост. Э. Г. Рахимова. М., 2000.
- Гацак 1971 — *Гацак В. М.* Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса / отв. ред. В. М. Гацак. М., 1971. С. 7—45.
- Гацак 1989 — *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М., 1989.
- Гацак 1994 — *Гацак В. М.* Эпическое знание: синоптический разбор двух записей (учитель — ученик) // Фольклор: Проблемы тезауруса / отв. ред. В. М. Гацак. М., 1994. С. 238—270.
- Гацак 1999 — *Гацак В. М.* Пространства этнопоэтических констант // Народная культура Сибири. Омск, 1999.
- Гацак 2000 — *Гацак В. М.* Фольклор — память традиции (уровни и формы этнопоэтической константности) // Вестник ДагНЦ. Вып. 8. С. 94—103.
- Калевала 1989 — Калевала. Карело-финский народный эпос / Собрал и обработал Э. Лённрот; пер. Л. П. Бельский; вступ. статья К. В. Чистова. Петрозаводск, 1989.
- Калевала 1999 — Калевала: Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / пер. Эйно Киуру и Армас Мишин / Elias Lönnrot. Kalevala. Eerpinen runoelma... Петрозаводск, 1999.
- Лорд 1994 — *Лорд А. Б.* Сказитель / пер. с англ. Ю. А. Клейнера, Б. А. Левинтона, вступ. статья Б. Н. Путилова. М., 1994.
- (Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, 1960).
- Панозеро 2003 — Сердце Беломорской Карелии / ред.: А. П. Конкка, М. Ниёминен, В. П. Орфинский (отв. ред.). Петрозаводск, 2003.
- Путилов 1997 — *Путилов Б. Н.* Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М., 1997.
- СКЯ(ЛД) — Словарь карельского языка: Ливвиковский диалект / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.
- Харвилахти 1998 — *Харвилахти Лаури.* Поэтика эпической традиции: Аспекты преемственности и воссоздания народными певцами (на материале русского, ингерманландского и алтайского эпосов). Дисс. в форме научного доклада на соискание уч. степени д. филол. наук.
- Чичеров 1948 — *Чичеров В. И.* Школы сказителей Заонежья / послесл. В. П. Аникина. М., 1982.
- Чистов 1986 — *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор Л., 1986.
- ЭПЮК 2008 — *Aunuksen karjalazien eepizet rajot.* Эпические песни Южной Карелии / сост. В. П. Миронова. Петрозаводск, 2006.
- Harvilahti 1986 — *Bylinat. Venäläistä kertomarusunoutta / Tietolipas 98.* Helsinki, 1986.
- Harvilahti 1992 — *Harvilahti Lauri.* Kertovan runon keinot: Inkeriläisen runoepiikan tuottamisesta / SKST 522. Helsinki, 1992.
- Harvilahti 2004 — *Harvilahti Lauri.* Vaki-ojaksot ja muuntelu kalevalaisessa epiikassa // Kalevala ja laulettu runo. Toim. Anna-Leena Siikala, Lauri Harvilahti ja Senni Timonen / SKST 958. Helsinki, 2004. S. 194—214.
- Hautala 1945 — *Hautala Jouko.* Lauri Lapalaisen runo: vertaileva kansanrunoudentutkimus / SKST 227. Helsinki, 1945.
- Hautala 1947 — *Hautala Jouko.* Hiiden hirven hiihdäntä: vertaileva kansanrunoudentutkimus / SKST 234. Helsinki, 1947.
- Inha 1911 — *Inha I. K.* Kalevalan laulumailla: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. Helsinki, 1911.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja / Lexica societatis fenno-ugricae XVI, 1—6.* Päätoimittaja Pertti Virtaranta. Toim.: FM Raija Koponen, FM Marja Lehtinen et a. Helsinki, 1968—2005.
- Nagler 1974 — *Spataneity and tradition: The Studies in the Oral Art of Homer.* Berkley, 1974.
- Oral 1976 — *Oral Literature and the Formula / Ed. by B. A. Stoltz, R. S. Shannon III.* Michigan, 1976.
- Sadeniemi 1951 — *Sadeniemi M.* Die Metrik des Kalevala-Verses. FFC no 139.

Siikala 1992 — Siikala A.-L. Studies on Shamanism. Part 1. Budapest, 1992.

SKVR: Suomen Kansan vanhat runot, I—XIV+XV, 1908—1948 / в серии публикаций Финского литературного общества SKST.

SKVR 1.(1) : Vienan läänin runot 1 / julkaissut A. R. Niemi. Osa 1 / Kalevalan-aineiset kertovaiset runot. Helsinki : SKST 121-1, 1908.

SKVR 1.2. / SKST 121.2. Vienan läänin runot. Kalevalan-aineisia kertovaisia runoja. Muita kertovaisia runoja. Julkaissut A.R. Niemi. Helsinki, 1917.

SKVR 1.(3): Vienan läänin runot 3-4,1 / julkaissut A. R. Niemi. Osa 3 / Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, iva-, leikki- y. m. runot. Loitsuja. Helsinki: SKST 121, 3-4,1, 1919.

SKVR 1.4.2.: Vienan läänin runot 4,2 / SKST 121,4.2. {Loitsuja. Lisiä. Elämäkerrallisia tietoja runojen laulajista hakemistoinen. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät}. Julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1921.

SKVR II.: Aunuksen, Tverin ja Novgorodin Karjalan runot / SKST 144. Julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1927.

SKVR VII.1. / SKST 143.1. Raja- ja Pohjois-Karjalan runot. 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot. Julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1929.

SKVR IV. (1): Keski-Inkerin runot. 1. Toisinnot 1-1503 / julkaissut Väinö Salminen. Helsinki : SKST 140, 1, 1925.

SKVR IV (2) / Keski-Inkerin runot. 2 {Toisinnot 1504-2762.} Julkaissut Väinö Salminen. Helsinki: SKST 140.2. 1926

SKVR V. (1): Itä- ja Pohjois-Inkerin runot 1. Kertovaiset runot. {Toisinnot 1-1354} / julkaissut Väinö Salminen. Helsinki: SKST 141, 1, 1929.

SKVR XIII(1): Etelä-Karjalan runot, 1: toisinnot 1-2692 / julkaissut Väinö Salminen. Helsinki: SKST 150,1, 1936.

SKVR XV / SKST 685. Runoja Henrik Florinuksen, Kristfrid Gananderin, Elias Lönnrotin ja Volmari Porkan kokoelmista. Toimitaneet Matti Kuusi ja Senni Timonen. SKS: Helsinki — Gummerus, Jyväskylä, 1997.

Topelius 1821-31: Suomen kansan wanhoja runoja ynnä myös nykyisempiä lauluja / koonnut ja prännttiin antanut Z. Topelius. Osat 1—5.

Summary. In the article the motifs and formulas with the names of fur-bearing animals (a squirrel, a marten, a hare, a fox) are considered on the material of the texts from the different subject sub-groups of Kalevala. The author has tried to settle the theoretical problem of the motif style and epic memory.

Key words: epos, formulas, runes of the Kalevala metrics.

Р. В. КОРЯКИНА
(Якутск)

ЭПИТЕТЫ ЯКУТСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА ОЛОНХО В ЛИНГВО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли именного эпитета в текстовом полотне олонхо. Автор рассматривает именные эпитеты в составе эпических формул, а также отрицательные именные эпитеты.

Ключевые слова: олонхо, якутская эпическая традиция, именные эпитеты.

Термин «эпитет» является одним из самых древних терминов стилистики. Первый «камень» в дело изучения эпитетов положил А. Н. Веселовский, в своем фундаментальном труде «Историческая поэтика» он дает следующее определение: «эпитет — это односложное определение слова, либо новляющееся параллельное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [Веселовский 1989, 73]. В. М. Жирмунский разграничивает эпитет в «широком» и «узком смысле слова» [Жирмунский 1977, 355]. Исходные определения эпитета «как художественно-стилистического приема» дают «Краткая литературная энциклопедия» [Энциклопедия 1975, 922], «Литературная энциклопедия терминов и понятий» [Энциклопедия терминов 2001, 213]. Природу эпитета достаточно широко рассматривали в своих трудах А. А. Потебня, Б. В. Тимошевский, К. С. Гальперин и др. Так как предметом исследования данной статьи являются эпитеты якутского героического эпоса олонхо, автору статьи представляется интересным высказывание В. Жирмунского: «Вполне законно также применение термина “эпитет” в отношении к героическому эпосу: постоянный эпитет... эпоса есть украшающий эпитет, традиционно выделяющий типовой, идеальный признак предмета,